

Алексей Нас

ВЕЩКА
СЫЩКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст
Великий сыщик

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Наст А. Н.

Великий сыщик / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2019

У жестокого авторитета убит названный брат. Частному сыщику Сергею Баринову поручено расследование. Сергей оказывается в самой пучине бандитской жизни. Яркий, насыщенный приключениями детективный триллер-боевик с непредсказуемым сюжетом и потрясающим финалом. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

—

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Баринова били ногами три раза в жизни. Первый, когда он был школьником и не отдал хулиганам двадцать копеек. Второй, когда его непосредственный начальник (а работал Баринов, в то время, в оперативно-следственной части областного УВД) застал сэра Баринова в постели своей жены совершенно обнаженным. И третий раз (уже, после увольнения из органов, вслед за упомянутым выше инцидентом), избili Баринова сегодня вечером в подворотне у родной пятиэтажки.

Избили жестоко. Били и смеялись, а после содрали с него кожаную куртку и ушли, пританцовывая от радости лёгкой победы. Эдакие, двадцатипятилетние юноши-переростки, наглые, уверенные в себе спортсмены-бойцы. Один из нападавших все время, пока Баринова пинали подельники, боксировал, посылая град ударов в воздух и наслаждаясь какой-то мелодией, посылаемой в мини-наушники продвинутым смартфоном.

Избили Баринова, конечно, не профессионалы боевых искусств, но, люди тренированные и организованные, кичившиеся в областном центре своим грозным прозвищем «вазеловские». Пьяные или обкуренные. Было их пятеро, в модных водонепроницаемых куртках и джинсе. Избили, забрали кожанку и ушли.

«Какие хорошие ребята», – злости не было на негодеев, была обида на себя, на свою предрасположенность к неудачам и бедам. Что случилось сегодня – неудача или беда, было не так важно. Хрен редьки не слаще.

Баринов отер кровь с разбитого рта, с трудом поднялся, и побрел к родному подъезду. Требовалось умыться и чего-нибудь поесть. Было больно, а в душе крепла досада – видно судьба ему выходила сегодня лишиться кожаной куртки, и кожаного бумажника, в ее внутреннем кармане...

После увольнения из УВД, Баринов, опираясь на профессиональные связи, зарегистрировал частное сыскное агентство, и промышлял по мелочам привычным делом – искал, следил, составлял отчеты, и давал объяснения.

Сегодня днем он закончил слежку за неверной супругой владельца мясной лавки. Клиент, пылая жаждой мщения к дряни-жене, легко отдал Сергею (Баринова все звали Сергеем) сто пятьдесят тысяч рублей.

Теперь, из-за наглого грабежа, он опять оказался на финансовой мели...

А ведь такой беспредел начался не так давно. Еще несколько лет назад в Степногорске, гордящимся вторым (после московского) университетом военных разработок, о «вазеловских» никто слыхом не слыхивал. Да, и не могли они объявиться здесь. Не смотря на общий развал «лихих-девяностых», университет имел важное государственное значение, а ФСБ не дремала, не сильно позволяя местным бандгруппам распоясаться. Положение изменилось после Сочинской олимпиады, ибо, из мест «не столь отдалённых», явился в город ожесточённый казема-тами, известный авторитет в определённых кругах, Африкан Иноземцев. Столь удивительным именем он был обязан директорше приюта, куда малютку скинула, в своё время, его непутёвая мамаша. Африкан был славянин, но, во время празднования дня рождения директора приюта, половину суток новости трещали о боях в Анголе, между доблестными кубинцами и захватчиками из ЮАР, а потому, пьяная женщина наделила новоявленного подкидыша таким именем: Африкан. В честь свободной Африки. Кто-то говорил, что оно дурацкое, но Африкан таким

умникам умел прикрыть рот, ибо верил, что имя его ничего общего с Африкой не имело, и не могло иметь, так как было простым старым русским именем. Потом Африкана «выпустили в свет» из детдома, естественно, не предоставив жилья и всего положенного – он бегал по инстанциям несколько лет, пока Перестройка, введённая Горбачевым, не смела всех законов, оставив только закон силы. Тогда Африкан, подтянув нескольких, таких же отброшенных жизнью в кювет детдомовцев, не «навёл» свой порядок в городе и нескольких прилегающих районах. С той «великой поры», которую ныне так возносят США, как время торжества правды, воли и демократии в России, тогда и появились «иные» – жестокие рэкетеры и убийцы Африкана Иноземцева.

Поговаривали (в полиции «поговаривали», когда там ещё служил Сергей, на оперативных совещаниях, между разносами и заданиями), что из двухмиллионного населения столицы Степного края, больше тысячи человек, обоих полов, состояли на службе у Африкана Иноземцева, и носили гордое прозвание «иных».

Этнические наглые диаспоры, привыкшие повелевать на рынках в российских городах, тут же ушли сами – люди Африкана с ними не церемонились, оставшиеся – подчинились «иным». Независимость сохранили, только Паша Степной, потому что его авторитет был, даже выше авторитета Африкана, (но он не был таким жадным «хапальщиком»), и прибалт Инвар, промышлявший в области, ещё со времён социализма.

«Иные» взяли верх без разборок и доказательств, своего превосходства – так решили смотрящие федерального округа.

Но вдруг наступила пауза – Африкана повязали по мелкому проколу, и он тупо сидел несколько лет в далёкой колонии, обжираясь крабами и красной икрой, в камере, больше похожей на будуар феодального владыки. И всем было хорошо. Но хорошее, рано или поздно, кончается. В стране хорошо провели Олимпиаду в Сочи, Крым вернулся в состав России, ну и Африкан вернулся из зоны домой, в Степногорск. Спокойствие в городе тут же было похоронено – «иные» подчинили себе наркобизнес, проституцию, рэкет, запрещённую игровую индустрию.

Банды молодых негодяев сделали невозможным продвижение по улицам в вечернее время без свирепой собаки на поводке и газового пистолета в кармане. Сводки УВД пестрели цифрами грабежей и драк. Степногорцы тихонько ворчали, боялись, но терпели. Терпел и частный сыщик Баринов.

Стерпел и в этот раз – утерся, умылся дома, вздохнул о потерянных деньгах и куртке (Хоть в рубахе ходи по улице. В апреле! Ха-ха), сел в кресло перед телевизором, и загрустил. Новых дел на горизонте не маячило, а питание организму требовалось уже завтра утром, на худой конец – завтра в обед. . .

Сергей потёр свой лоб. Достали всех бандиты Иноземцева. И тут же усмехнулся – Африкан Иноземцев был умным злодеем, потому и выбился в крутые авторитеты. Его мафию называли по его имени, но основная масса населения злилась на «сторонних» «бригадиров», которым Африкан разрешил именовать собственные шайки своими прозваниями, потому такой огромной тысячной мафиозной организации как бы, не существовало. Все думали, что отдельные бригады ведут разрозненную политику, и спецслужбы считали обстановку в областном центре «стабильной». Из всех бригад Иноземцева особняком стоял некий Вазелин. Он слыл самым беспощадным бандитом, хотя прямых компроматов на него силовики не имели.

Как бы там ни было, Вазелин все в городе боялись, ибо он, и без опоры на Африкана, был круто скручен. . .

В прихожей громко и протяжно затрезвонил дверной звонок. Сергей вздрогнул. Какого черта?!

Ощущая странное волнение, похожее на страх, он потащился к двери.

Звонок все трезвонил.

Злясь, он открыл дверь, и обомлел.

Перед ним, выпятив вперед полную нижнюю губу, стоял огромный, выскобленный на лысо, сорокалетний славянин, в дорожном кожаном плаще нараспашку, под которым был модный, фирменный, дорожный же, костюм. Дополняли наряд визитера крутые кожаные туфли, чистенькие, нисколько не выпачканные в грязи – приехал на машине.

За лысым шептались две белобрысые шлюшки в скрипящей коже, и синтетического цвета париках. Еще дальше стояли три крепко скроенных высоких парня с длинными волосами, заплетенными в косички, и два низеньких мужика-азиата. Банда какая-то!

Сергей испугался так, что затряслось в самом низу.

«Убьют!».

Крутой «лысак», не спрашивая позволения, шагнул в прихожую и, тесня Баринова грудью, проследовал в зал к телевизору. Там он опустился в кресло, резко бросив на журнальный столик куртку Сергея. Сопровождавшие столпились за спинкой кресла, и смотрели на Сергея выжидающе, не скрывая презрения.

– Сергей? – спросил лысый.

– Да, – машинально отозвался Баринов, ожидая самого плохого.

«Лысак» полез в свой внутренний карман, извлек бумажник Сергея, подозрительно распухший, и тоже бросил на журнальный столик.

– Я Вазелин, – визитёр сделал ударение на средней гласной букве, и Сергей понял, что Вазелин – не прозвище авторитета, данное за некую черту характера, а природная фамилия, которую все произносили не правильно, словно название крема. Хотя, дела это не меняло.

«Точно убьют», – понял Сергей...

«»»»»»»»»

Георгий Петров или просто Жора, родился в Самарканде, в те тихие сытые времена, когда Узбекистан назывался Узбекской Советской Социалистической Республикой, и входил в состав огромного государства, под названием СССР. Мать Жоры была русской женщиной, попавшей в Самарканд по распределению после института, отец тоже русский, но местный, проживший в Средней Азии безвылазно и считавший себя больше узбеком, чем сами узбеки. Мусульманской веры он не принимал, но уклад жизни в семье поддерживал в сугубо азиатском духе. Жора был шестым ребенком в бедной семье, в жизни ни ему, ни его братьям и сестрам ничего путного не светило, так как в Узбекистане усиленно продвигались вверх лишь настоящие национальные кадры. И как бы отец не старался сделать детей узбеками, для всех вокруг они были русскими. Детей в семье прибывало с каждым годом, так как отец исповедовал патриархальные правила – узбекская семья должна быть большой. Ютиться в глинобитной мазанке, считавшимся домом, было адом – дети росли и спешили улизнуть в большой мир – в Россию, или, хотя бы, в Казахстан. А там уже свирепствовали «лихие-девяностые», разделившие людей на бандитов и лохов. «Простых» заставляли работать почти бесплатно, всячески притесняли и обижали, но все-таки, это была цивилизация – при определенной пронируемости, можно было пристроиться, как-то жить.

Старшие сестры Жоры, начинали самостоятельный путь продавцами на барахолках, за копейки простаивая от зари до зари и в зной, и в стужу над хозяйским товаром, частенько не брезгуя подрабатывая проституцией, после выходили замуж за обычных простаков и рожали детей, продолжая подрабатывая нижним местом, чтобы не пухнуть с голоду, пока Новая Россия уверенными шагами продвигалась к светлому будущему. Братья Жоры устраивались копать землю, воровали, дрались, бомжевали. Но лихие-девяностые подходили к концу.

Жора Петров ринулся в жизнь, имея в голове конкретную цель – раздобыть российское гражданство и стать богатым, и счастливым. Он начал сколачивать капитал, не брезгуя ни чем – организовывал рандеву любителям молоденьких мальчиков, торговал наркотой у школ, доносил силовикам на друзей за мизерное вознаграждение, мало ел, и копил, копил, копил. Вырос он высоким, поджарым и злым на весь мир молодым волком.

Преступный мир затягивал Жору всё глубже в бездонный, холодный омут. Помимо гоп-стопов и банального воровства, Жора приторговывал наркотой у студенческих общежитий. Хозяева-наркодельцы требовали увеличения выручки, не раз били. Жора вынужден был пойти на риск, предлагая пакетики с героином все новым и новым клиентам. Однажды у него купил героин законспирированный агент безопасности. В следственном изоляторе отдела по борьбе с наркоторговлей Жору Петрова выявили, не смотря на славянскую наружность, как скрытого иммигранта из уже независимого Узбекистана. Его заперли в отстойник с негодьями, авантюристами и бродягами, пробравшимися в Россию из Средней Азии. Через трое суток предстояла принудительная депортация. Жору и еще трех отпетых бандюг в Узбекистане ждала тюрьма, с её лютыми азиатскими порядками. На историческую родину задержанные совершенно не стремились, потому решили бежать – разобрав ночью деревянный потолок сарая-отстойника, четверка бросилась в темноту. Пули охранников уложили двоих наповал.

Жора и сорокалетний контрабандист Сева Густ, скрылись.

Трое суток они отлеживались в притоне у городской свалки.

Когда облава улеглась, Густ собрался пробираться в Приуралье, где у него были покровители, которым он возил афганский героин в обмен на камешки (необработанные изумруды).

Жора уговорил Густа не бросать его, а взять с собой и замолвить словечко перед «начальством». Густ согласился, но за это всю ночь жадно насиловал Жору, утоляя свою извращённую похоть.

«Когда-нибудь, я убью тебя», – решил Георгий.

В Приуралье они пробрались с огромным трудом, избегая дорожных постов ГИБДД и шарахаясь от всех встречных в форме УВД.

«Большие люди», на которых работал Густ, расспросив Жору о его прежнем житье-бытье, милостиво оставили парня в своей организации.

Два года он был курьером, жил на съёмных квартирах, питался, чем придется, и беспрекословно выполнял любые приказы. Однажды, когда резиновая лодка перевернулась, и чемоданчик с грузом наркоты ушел на дно, Жора, пренебрегая ледяной водой, не раз нырял, рискуя жизнью, пока не поднял драгоценную «почту».

Убедившись в способностях молодого человека, боссы снабдили его купленным российским паспортом и, на транспортном самолете с грузом, отправили в Степной край. Жора не просто сопровождал груз бытовой техники – на самом деле в тайнике самолета лежала партия наркоты, которую следовало сдать на руки уже работавшим в Степногорске сбытчикам для реализации, и проследить за работой сети мелких торговцев.

Была зима. Падал снег.

Жоре понравилось в Степногорске.

Осмотревшись полгода, он «женится» на проститутке и принял её фамилию, став Вазелиным, а для всех Вазелином – торговля наркотиками, сводничество, рэкет в среде гастарбайтеров, быстро набили его карманы «зеленью», а тощая задница, привычно освоилась в удобном кресле подержанной «девятки».

Такое это было лихое время, зацепившее Жору на самом излёте бандитских кровавых разборок. Алчностью, неистовством и жестокостью, Вазелин подогнул под себя бандитскую «верхушку» одного из районов Степногорска.

Но, чтобы чувствовать себя по-настоящему уверенно, Жоре требовалось покровительство настоящего местного авторитета, и он, рассудив, что раз в городе рулил некий Африкан,

– Я моложе тебя, это во-первых, а во-вторых, мне нравится титулатура Демон. – Парень упер пальцы в нижнюю губу и задумчиво произнес. – Демон. Демон. Да, Демон звучит хорошо.

Он протянул свою пятерню. Сергей ее крепко пожал. Тоже представился, хотя Демон и так знал, кто он:

– Сергей Баринов.

– Каков план действий? – улыбнулся соглядатай.

«Пряткий парень», – ухмыльнулся про себя Сергей, вслух пояснил:

– Я вызову своего напарника Сашу Филиппова, потом поедем на место убийства.

– Хорошо.

Сергей мельком глянул на окно – там была чернота.

– Хм. Уже ночь. Ну, ничего, что-нибудь придумаем. У тебя есть его фотография? Я, имею в виду, «брата» твоего шефа.

– Игрока?

– Его прозвище Игрок? Что-то знакомое. Вроде, слышал о нём.

– Да. Погоняло у него Саша Игрок. Официальное имя – Александр Пряха. Есть фотографии.

– На смартфоне? – усмехнулся Сергей. Смартфон – это хорошо, но для работы удобны нормальные, бумажные фото.

– Почему? Вазелин специально велел для тебя распечатать, дал пачку, чтобы ты ознакомился.

– Почему шеф решил меня привлечь к расследованию? Полиция сделает всё, как надо. Если есть зацепки, могут раскрыть дело по горячим следам.

– Им это надо? Бандюки режут друг друга – и слава богу. Их девиз. А шефу нужен реальный убийца, чтобы наказать...

– Предложил бы им денег...

– Ментам? – Демон презрительно заулыбался. – Не веришь, что они стали все честными после переименования в полицейских? Думаешь, некоторые «оборотни в погонах» сумели затаиться?

Сергей с улыбкой повёл плечом – какая разница, во что он верит, это к делу не относится.

– После проведения переаттестации? А? – продолжал щериться Демон. – Деньги они возьмут без проблем, только какой толк? Думаешь, реально станут искать? Привлекут первого попавшегося бедолагу, выбьют показания чистосердечные или так припрут, по другому, чтобы тот всё взял на себя. А после сдадут шефу, мол, деньги отработали... Ха-ха! Фуфло всё это! Такое мы уже проходили, и не раз. Тут правда нужна. Нужен настоящий виновник.

– Понятно.

– Вот фотографии.

Демон извлек из внутреннего кармана пачку цветных любительских фото.

Набирая номер напарника, Сергей внимательно изучил лицо убитого. Лицо, как лицо, простое, без характерных черт деловитости и злобы, какими обладали нынешние криминальные деятели, только глаза хищные, как у вампира. Смотришь на фото, а в ответ на тебя взирают зрачки вурдалака, словно изучают тебя... Нехороший взгляд. И такой на всех фото...

– Алло, Саша. Привет. Сергей говорит. Срочно приезжай ко мне, я дело взял. Нет, время не терпит. Ничего, что уже спишь. Кушать хочешь? Поэтому не рассуждай, садись в такси и ко мне. Я заплачу. Да, при деньгах – клиент выдал на следственные мероприятия. Про гонорар я не разговаривал. Сашка, не ной! Я тебе сейчас двадцатку дам, тебе на продукты хватит. Хватит! И за интернет хватит заплатить! Что, я с тобой всё это должен по телефону обсуждать? Филиппов, время идёт, а ты всё ещё без денег.

В трубке четко прозвучало слово: «Несусь!».

«Курица», – хмыкнул про себя Сергей, но вслух повторять мысль не стал – тридцатилетний Филиппов был юношей ранимым.

Покончив с разговором, Сергей снова внимательно рассмотрел все фотографии, вернулся к журнальному столику, на котором лежали его кожаная куртка и бумажник, взял и то, и другое.

– Дмитрий Анатольевич, чай будешь?

– Демон.

– Тогда уж, Димон. Демоном человека называть как-то не привычно.

– Можно.

– Что? Чай?

– Можно, чай. Можно Димон. И Дима, тоже можно. Но, желательно, Демон.

В прихожей Сергей повесил куртку на ее персональный крючок, расстегнув бумажник, полюбовался на кипу наличности в банковской упаковке. Тут же лежали его сто пятьдесят тысяч от мясника. Он оставил в кошельке сто тысяч – двадцать сразу отдаст Филиппову. Остальное, завернув в целлофановый пакет, спрятал в туалет за сливным бачком. Спустив воду, чтобы Демон не подумал, что он прятал деньги, Сергей прошел на кухню, включил в розетку электрочайник. Из еды были хлеб, полбанки шпротов и сахар.

В прихожей звякнул особым кодом дверной звонок – Филиппов.

Открыв дверь, Сергей ухмыльнулся.

– Ты, правда, нёсся. Стой, не раздевайся, сбегай в ночной магазин, купи что-нибудь пожрать, дома шаром покати, – он протянул Филиппову двухтысячную.

– И за такси.

– Тут хватит.

– А мои двадцать тысяч?

– Возьми, возьми их, не тяни душу, – Сергей выдал Сашке обещанную сумму. Тот перебрал новенькие двухтысячные купюры в руках, посмотрел на свет, закачал головой. – Что, крутой клиент попался? Такая срочность! Аж ночью вызываешь!

– Узнаешь всё, не переживай. Не тяни время, иди за жратвой!

Пока Филиппов бегал в ночной магазин, чай вскипел. Сергей же не находил себе места. Как ему теперь следовало себя вести? Каким образом можно было обернуть ситуацию себе на пользу? Как, вообще, можно было выбраться из этой неожиданной истории?

Ужинали втроем за журнальным столиком – сыр, колбаса, булочки, йогурты, бутылка дешевого бренди местного розлива. Выпили по три рюмки. Горло драло, словно наждачной бумагой.

– Дим, кто мог убить Игрока? – начал наводить первые линии расследования Сергей.

Сашка Филиппов, наевшись, курил, рассматривал фотографии погибшего. Демон ел маленькой ложечкой фруктовый йогурт. Услышав вопрос, он вытер рот белым носовым платком.

– Любой. Жизнь авторитета висит на волоске.

– А ты не боишься?

– Чего?

– За свою жизнь. Висит на волоске.

– А! Ха-ха! – рассмеялся Демон, облизывая ложечку. – Я ещё не авторитет. Так, обычный бандит. Стану авторитетом, тогда посмотрим. Между нами – такие люди долго не живут.

– А Игрок был авторитетом?

– В своём роде. Серёжа, зачем задавать риторические вопросы? Для Вазелина он брат – этим всё сказано.

– Понял тебя. Значит так, – Сергей глубоко вздохнул и начал излагать свои мысли на суть дела. – Его могли убить конкуренты из других организованных групп, могли убить завист-

– Точно говоришь, там без умения вещать, ничего не сообщая конкретно, делать нечего, – согласился Демон, и улыбнулся, блеснув сияющими зубами, недавно отшлифованными в зубной клинике и ещё не успевшими снова пожелтеть. Добавил, не то в шутку, не то в серьёз. – Стану постарше, может быть, попробую себя и в политике.

Чтобы не скучать, он врубил магнитоу с рыкающим негритянским рэпом. «Десятка» помчалась на ста двадцати километрах. Из-под колес летели бурные фонтаны воды.

– Взлетать собрался? – спросил Сергей.

– Да! Да! Е! Е! Да! Да! Е! Е! – ревели динамики.

Демон, ко всему прочему, поймав кайф от музыки, задвигал плечами, стал резко поворачивать голову и делать шеей, как гриф. Три рюмки бренди сделали своё дело.

– Да! Да! Е! Е!

– Он нас разобьет, – уверенно заявил Филиппов.

Песня неожиданно оборвалась, а Демон нажал на тормоз.

– Приехали.

В тишине было отлично слышно, как ливень стучит каплями об асфальт. «Дворники» сметали с лобового стекла мутные потоки.

– Как назло, – сказал Сергей.

«Десятка» стояла посреди заасфальтированного двора, образованного двумя пятиэтажками. Кое-где светились окна. Лавочки у подъездов блестели мокрыми деревяшками. По обе стороны асфальтированной площадки возвышались баскетбольные стойки с кольцами, чуть с краю ржавели хоккейные ворота с искореженной железной сеткой.

– Он лежал там, – кивнул Демон на одну из баскетбольных стоек.

– Ты видел сам?

– Сам не видел, но знаю, что там. Лежал и смотрел в небо пустыми зрачками.

– Во сколько его грохнули?

– Рано утром. Большого не знаю.

– Понятно. Что, Саша, за информацией придется к твоему дяде обращаться, – обернулся к Филиппову Сергей.

Филиппов вздохнул и пожал плечами. Капитан Апостолов уже не раз выручал своего племянша, передавая информацию, которой располагало официальное следствие.

– Демон, вы сами опрашивали жильцов?

– Нет. Никто ничего не делал.

– Ладно, сделаем по-умному. Сейчас свяжемся с Апостоловым и попросим его оказать посильную помощь.

Сашка Филиппов покорно покинул автомобиль, и ушел в шумящую дождем черноту – звонить из телефона-автомата любимому дяде. Свой сотовый телефон он, в очередной раз, сдал в ларёк в заклад, когда пьянствовал. Скорее всего, это было вчера. А звонить со своего сотового Сергей никому не разрешал, чтобы не светить номера, особенно это касалось Сашки.

– У Игрока была подруга? – спросил Демона Сергей.

– Бляди были. Разные и много. Он ведь спортсменом был, женился на местной, ради гражданства российского, мечтал до сборной нашей с годами дорости, а как влетел – инвалидность, нищета – жена его бросила.

– Надо бы с ней побеседовать, с женой, которая бросила.

– Сделаем.

Вернулся мокрый Филиппов. Он уселся на заднее сидение и, кряхтя от холода и сырости, долго не произносил ни слова, наконец, закурил и блаженно заявил:

– Ха ... Ну, и погодка ... Поговорил. Он как раз дежурит. Сейчас, приедет, пообщаемся. Заодно в хате пошарим.

– С меня причитается! – заявил Сергей.

– Это он тебе сам скажет.

Через двадцать минут рядом с мокрой, истекающей ручьями, «десяткой» затих полицейский УАЗик. Из машины вылезли трое.

– Пошли, – сказал Сашка, толкая дверцу.

Сергей оказался под дождем. Перед ним стояли веселые Апостолов, Коля Оленшайнц и Петька Матвеев. Все бывшие коллеги.

– Баринов, ты нам обязан по полставки выплачивать! – с ходу в карьер заявил смеющийся Петька. – Чуть что, бежишь к нам, нос свой любопытный суешь в официальные дела!

– Тайну следствия я не нарушаю. Я только хочу помочь определить истину. Как можно быстрее.

– Мы тебе собираемся помочь, а не ты нам, – пожимая руку Сергею, уточнил Апостолов.

– Точно. А то себя выдает эдаким Шерлоком Холмсом, а мы – глупые, ни к чему не годные, Лейстреды.

Лейстреды от такого сравнения весело заржали жеребцами.

– Ладно, я буду Лейстредом. Выкладывайте, что знаете, гении сыска.

– Не гони гусей, Серега. Зайдем в жилое помещение, согреемся, а там определимся.

– Понял, – Сергей обернулся к Филиппову, протянул ему двухтысячную купюру. – Беги, Саня, в ларек за водкой.

– Икры не забудь! – пожелал Апостолов.

– На икру получите отдельно, – отшутился Сергей.

Апостолов заметил Демона.

– Меня зовут Диман! – радостно сообщил тот, поменяв, ради полиции, одну гласную в своём прозвище, протягивая руку для пожатия.

Опера крепко поздоровались с ним. Демон удивленно покачал головой:

– Железные герои?

– Бандит? – в ответ поинтересовался Апостолов.

– Начинаящий, – сознался тот.

– Если на днях не убьют, милости просим в наш изолятор. Там хорошо, спокойно, – пошутил Коля Оленшайнц.

Все засмеялись и пошли в подъезд.

Апостолов сорвал с двери опечатанной квартиры полоску бумаги с печатями городского УВД, быстро прокрутил ключ в щелкающем замке. Толкнув дверь, он шагнул в темную прихожую.

Все впёрлись следом и долго дышали друг на друга – никак не могли нащупать выключатель. Он оказался на противоположной стене. Вспыхнувший свет представил на обозрение аккуратное жилище в спартанском стиле – пустая прихожая, в зале старый полированный трехдверный шкаф, тумбочка от трюмо, но без зеркал – на ней стоял большой телевизор, у стены – диван и кресло-кровать, на полу покоился потерявший естественный цвет от старости и стирок, синтетический палас.

– Здесь он жил, – сказал Демон, и сам удивился скудости обстановки.

– Наездами жил? – усмехнулся Апостолов.

– Наездами, – Демон согласился.

Опера уселись на заскрипевший диван. Петька Матвеев врубил телевизор – на экране возник задумчивый плюшевый медвежонок Пух. Он почесал свой набитый опилками затылок и, удивленно, спросил у зрителей, почему ему нравится мёд.

Все хрюкнули. Дурацкий вопрос в двенадцать часов ночи.

По другим каналам показывали: пристойный секс, герой реслинга Сержант Мясо размазывал по рингу Джо из Чикаго, сборная России по футболу, в драматическом поединке со сборщиками бананов из Тринидада, вела семь-ноль, одержимый жаждой мёда Пух, весь в гряз-

Машина лавировала в плотном потоке движения, из динамиков магнитолы несло: «Да! Да! Е! Е!»». Сашка Филиппов испугано жался на заднем сидении – езда Демона ему совсем не нравилась (Сашка был ещё молод (тридцать лет, разве возраст?) и хотел жить).

Когда «десятка» припарковалась у выкрашенной в экономичный зелёный цвет, ограды детского сада, Сергей подумал, что Демон подшутил, говоря о вдове Игрока, как об актрисе – на детской площадке играли малыши, строгие воспитательницы, бесстыже ржали в беседке, в компании двух хозяйственных рабочих из Таджикистана.

– За мной, – скомандовал Демон.

Они проследовали в здание, по узким коридорам пробрались к спортивному залу. У дверей зала толпились задумчивые мужчины. Здесь было много проводов, светили юпитеры, жевали, пили сок, говорили, писали бумажки, сновали операторы с видеокамерами. Шла съёмка.

Сергей смутился – надо же!

И тут одна из дверей в коридоре отворилась, и оттуда вышел огромный, мускулистый детина в алой тунике, в шлеме и в стянувшем торс золочённом поясе, но голоногий. На боку его болтался короткий римский меч.

– Привет, рыжий! – обрадовался ему Демон.

Друзья обнялись. Геракл жевал жевачку и пританцовывал, видимо, уже не сдерживая актёрского темперамента. Он, действительно, был рыжеволос – из-под шлема вились огненные локоны, и, даже кучерявые заросли на груди были с апельсиновым оттенком.

– Ты чего здесь? – спросил он Демона.

– Таню надо. Поговорить.

– Ждите. Сцену снимем, выйдет.

Хлопнув Демона по плечу, актёр прошествовал в зал.

– Чё снимают? – спросил Демона Сашка.

– Фильм «Спартак».

– Ого. А этот чувак кого играет?

– Спартака.

– Дак он рыжий!

– А кто сказал, что Спартак был не рыжим? – остался невозмутимым Демон. – Историки до сих пор спорят о его облике.

– Да это...

– Короче, Вазелин сказал, что Спартака должен играть Арсений и баста!

– Понял, – успокоился Филиппов. – А посмотреть можно?

– Смотри.

Сергей и Филиппов протиснулись сквозь толчею внутрь зала – посреди зала был сооружен круглый помост, обтянутый алым бархатом. Там и тут валялись подушки. Два студента-таджика в набедренных повязках, изображая индусов, обмахивали опахалом замершего изваянием, совершенно обнаженного, но в шлеме, Спартака. Он смотрел в потолок спортзала и обдумывал предстоящую битву с римскими легионами. У его ног сидела на коленях голая белая женщина, и трудила свои губы минетом. Как понял Сергей – это и была Таня Крючкова. Вот, значит, как отомстил за отвергнутую любовь Александр Пряха, он же Саша Игрок – упрямил Вазелина опустить бывшую супругу в порнопроститутку.

– Она? – спросил он у протиснувшегося в зал Демона.

Демон заулыбался во весь рот.

– Да. Играет императрицу. Императрица тайно приехала предупредить Спартака о западне.

– Как же она предупредит, если её рот занят? – ехидно спросил Сашка. – И восстание Спартака было во времена Римской республики, тогда ещё императоров не было.

– Я не знаю. Рассказываю, что прочитал в сценарии. Сейчас Арсений пропятлит её со всякими выкидонами.

– Фу, – скривился Филиппов. – И все на это будут смотреть?

– А вы не будете? Это ещё что! – загорелся Демон. – Потом император узнает об измене и накажет императрицу – наказывать сексом будут вон те парни. Всей толпой!

Сергей посмотрел на ожидающих своей очереди «актёров», и спросил Демона:

– Кто может рассказать подробно, как жену Игрока заставили такое делать перед камерой?

Демон вдруг стал серьёзным.

– Она могла отомстить Игроку?

– Могла, – согласился Сергей.

– Игрок попросил Вазелина наказать жену, босс поручил дело Халяве...

– Халява кто такой? – спросил Сергей, запнулся. – Тоже «актёр»?

– Ещё какой! – оскалился Демон.

– Сегодня можно с ним побеседовать? Я хочу, чтобы он рассказал, что было... Как Крючкова смирилась со своей долей... Или не смирилась?

– Всё узнаешь.

– Его можно увидеть?

– Увидеть хочешь? – Демон хмыкнул. – Нет проблем. А с ней, значит, говорить расхотелось?

Сергей мельком глянул на вошедшую в образ актрису.

– У неё рот занят.

– У неё всё занято на ближайшие годы.

Из детсада поехали за город. Сергей опять удивился, когда «десятка» въехала в кладбищенскую ограду.

– Приехали, – объявил Демон.

– Он что, здесь работает?

– Он здесь отдыхает. Пошли.

Они долго шагали между оградок с могилами, пока Демон не замер перед величественным погребением, выполненных из гранитных плит. Блестящий серый обелиск украшал барельеф – мужчина во весь рост в костюме, мизинец покойного украшал массивный перстень. Эпитафия гласила: «Оглянись вокруг. Здесь лежит много незаменимых парней».

– Кто его сюда определил? – спросил Сашка.

– Господь Бог. Нашли мёртвым за рулём любимого «Мерседеса» без признаков насильственной смерти. Сердечный приступ.

– Его бесчинства переполнили чашу терпения бога на небе, – констатировал Филиппов. – И как он расскажет нам историю про Таню Крючкову?

– Халява был весельчак. Любил таскать с собой оператора, и всё запечатлеть для истории. Едем ко мне, у меня есть флеш-карта с видеозаписью.

– У тебя и пообедаем, – нашёлся Сашка.

– Согласен, – не стал жмотиться Демон.

На обратном пути, он ритмично дёргал головой и покачивал плечами.

– Да! Да! Е! Е! – ревели динамики.

Филиппов бесился.

Демон приготовил королевскую снедь: аппетитно урчащие горячим жиром, румяные толстые сардельки, салат из морепродуктов, и фрукты на десерт: виноград, персики и не свежий ананас.

Сашка Филиппов, не церемонясь, первым делом, схватил из вазы испуганный сочный персик, надкусил его, и повалился в глубокое кресло, перед огромным плазменным телевизором.

Демон вытащил из зеркальной тумбочки аккуратную флеш-карту, вставил её в разъем навороченного DVD-рекордера, с функциями компьютера. На экране возникла чужая квартира.

Сергей узнал покойного – Халява, в расстегнутой пёстрой рубахе и шортах, сидел в кресле, а два его молодца держали за плечи зарёванную Крючкову. Крючкова было голой и сопливой.

– Пойми, бл-дина, твоя участь решена – ты будешь сосать и трахаться, трахаться и сосать, а мы на этом загребать бабки, – вводил в ум Крючкову Халява. Он был абсолютно спокоен и даже весел.

– Кто эти? – кивнул Сергей на молодцев, исполнявших черновую работу.

Демон уже сидел за журнальным столиком с закусками, и жевал сардельку. Он отвлёкся на мгновенье, отозвался полным ртом:

– Коротко стриженный – Васька Болт, слева который – Гусь. Быки.

– Где они теперь?

– После смерти Халявы, они оказались, как бы сами по себе. Болта недавно грохнули.

– Когда? – Сергей насторожился.

Демон задумался и стал серьёзен:

– Да за день до убийства Игрока!

Сергей многозначительно покачал головой.

На экране Крючкова кричала – Гусь бил её ладонью по щекам, но не сильно. Крючкова щерилась, дёргалась пиявкой в сильных ручищах Болта. Гусь стоял со спущенными штанами, и его полунабухшее хозяйство, покачивалось перед лицом истязуемой.

– Соси, тварина! – начинал терять терпение Халява.

– За что? – не понимала Крючкова.

– За то, что ты сука! – внушал правду Халява, возмущаясь непонятливости жертвы.

Гусь врзал посильнее, и Крючкова, вместе с Болтом, завалились на пол.

– Всунь ей, – скомандовал Халява.

Гусь присел перед пытящей в тисках Крючковой, стал что-то делать сзади. Ужасный вопль исторгся из глотки Крючковой.

Сергей и Филиппов вздрогнули, а Демон подавился едой...

Мужики на экране засмеялись. Гусь ритмично двигал тазом.

– Целку сломал, – заявил он. – Что, тёлка, в попу ещё не приходилось? А-а? Не нравится? Привыкай! ...

– Зачем они это снимали? Попади запись в полицию, всей троице не поздоровилось бы, – сказал Сергей, обернулся к собеседникам.

– Халява ментов не боялся. Дальше в записи, Крючкову прощурют по всей программе, и впустят наших «беспощадных сексуальных маньяков» – Пепса и Бычьего Члена, – хрюкнул Демон. Увидев постные лица собеседников, посмеялся. Заговорил строго. – Слыхали легенду о Бычьем Члене? Про индейцев. Ещё во времена...

– Ты не отвлекайся от темы.

– Короче, Крючкову опустили безжалостно, и где её пёрли Пепс и Бычий Член (пёрли профессионально – они это умеют) размножили отдельным фильмом. «Мрачные игры». Не

смотрели? Диски во всех ларьках были в продаже. Полторы тысячи штук только в нашем городе разошлось. А через интернет сколько роликов продали! Стала наша Таня порнозвездой. Первое время Халява её эксплуатировал безжалостно, держал взаперти, а потом, когда привыкла, стал выпускать. Она уже не пытается слинять – всё равно поймают. Работает.

– Это мы видели. Надо разузнать, почему грохнули Болта. Может быть такая связь – Болт, Игрок, а причина – наша Таня громко плачет.

На экране Крючкова делала минет Болту и рыдала.

– Кстати, что с Гусём?

– Гусь какое-то время слонялся без дела, потом пошёл к Паше Степному. Ошивается у автосалона «СтепьАвтолэнд».

– Организуешь с ним беседу?

– О,кей.

– А кто такие Пепс и Бычий Член?

– Наши мудаки-студенты. Делают, что велят.

– Кто велит?

Демон закатил глаза к потолку, имея в виду бандитское начальство.

– Они живы? – спросил Сергей.

Демон хмыкнул.

– Сегодня утром были живы. Что им сделается? Они только в порно снимаются, да марихуаной приторговывают на факультете, а так – лохи.

– Они насильовали Крючкову, вот что!

– Кто ее только не насильовал!

– Они опускали. Гусь, Болт, Пепс и Член.

– Нет, Серёга, слишком просто – мечь. Убит один Болт из четвёрки, остальные – живы, – заявил Сашка Филиппов, пожирая сардельку.

– Живы они или уже не живы, мы пока не знаем, – спокойно заметил Сергей, принимаясь за еду.

Видео выключили, чтобы не портить аппетит – картина беспредела была ясна.

– Сейчас стрелку с Гусём забьём, – цыкая зубом, сказал Демон, вставая из-за стола. – Если он на месте, сейчас и поговорим.

Демон достал из кармана рубашки мобильный телефон, набрал номер, долго слушал пустые гудки. Ухмыльнувшись, набрал другой номер.

– Кеша! Демон говорит. Гусь у вас? Разговор к нему есть. Вазелину надо кое о чём его расспросить. Что? Не хре... Не может... Мы подъедем!

Демон убрал мобильник в карман, ошалело обернулся к обедающим сыщикам.

– Гуся замочили! Два часа назад.

– Кто?

– Не видели. На автостоянке. Выстрелы слышали, и всё.

– Так, – Сергей отодвинул тарелку. – Надо срочно ехать к вашим мудакам-студентам.

Гусь от нас улетел окончательно, а этих можем застать живыми.

– Да не может быть, чтобы из-за этой стервы людей грохали! – возмущенно заявил Демон.

– Никогда не говори никогда.

Демон быстро позвонил в общежитие, велел найти Пепса и Члена, и чтобы они сидели в своей комнате, и ждали их приезда.

– Эти хоть живы? – усмехаясь, спросил Филиппов.

Озабоченный Демон убрал мобильник, стал надевать куртку.

– Не знаю, чёрт бы их побрал. Они в общежитии, но на этаже их нет...

До студенческого общежития было минут двадцать быстрой езды. Ехали в тишине – Демон свою любимую мелодию не крутил – мучился дурными предчувствиями. Сергей был спокоен, но напряжён.

– Пепс – тоже кличка? – спросил Сергей.

Демон повёл плечами, словно испытывая озноб, отозвался преувеличенно громко:

– Естественно. Мы мало кого по имени зовём... тем более, он мудак. У него папашка «старейшина» деревни в Сибири. Что удивились? А как ещё именовать вурдалака, который сам сосёт со всех кровь? Сидит он на лесозаготовках. У него всё там в его липких руках. Половину тайги китайцам продал на брёвна. Пепс из Таёжного района. Папашка, по их местным меркам, великий мафиозник – распределяет квоты на рубку леса. Удивились? Хотите возразить – квоты даёт Москва? Кому даёт Москва, а остальным – такие папашки Пепсов. Руби и вывози, сколько влезет, главное, не попадайся. Они там Крезы – дяденьки, управляющие сибирской тайгой. И ещё. Не всяких диких монстров, типа горных козлов, амурских тигров и, там, приморских леопардов, можно хреначить. По закону эти существа – собственность государства, которую оно (государство), как бы, охраняет. Такие пиар-кампании проводят, что прослезись... А лесные Крезы чхали на политические реалии – всё зверьё разделено между ними лично, и никто им не указ. Кому надо, организуют охоту с вертолёта... Господи, что я вам «секреты Полишинеля» рассказываю!? – Демон вдруг сбился и настороженно спросил:

– Вы знаете, кто такой Полишинель, и в чём его секрет?

– Демон, не отвлекайся от рассказа. «Секрет Полишинеля» – это секрет, который ни для кого не секрет. Уймись, и рассказывай.

Демон удовлетворённо хмыкнул, поняв, что его «напарники» – люди образованные.

– Что хмычешь? – недружелюбно спросил Сергей.

– Образованные. – объяснил одним словом Демон.

– Дурень! Я ментом был. Не просто сержантом с улицы, а окончил высшее учебное заведение. Я, по любому, знаю больше тебя!

– Ой-ё-ёй! Ты книжек читал больше, а, больше меня, ты знать не можешь! Я – практик.

– Э! Практики, теоретики! – подал голос сзади Филиппов. – Прекратили спор – не время. Демон, что же дальше о Пепсе?

– Пепс из тайги в город выехал, охренел от «великолепия цивилизации», там ему по ушам настучали шустрые ребята – сгинешь в глуши, всю свою короткую жизнь пробегаешь в охотничьем камуфляже и болотных сапогах, скажи пахану, пусть сдаст десяток муфлонов, и езжай, куда хочешь, учись, вернёшься – боссом будешь, хозяином жизни. Пепс – к папашке – ныть. Тот согласился. Шустрые ребята привезли америкосов, отстегнули положенные бабки егерям, чтобы под ногами в тайге не путались, и – «сибирская охота» по всем правилам! Всей деревней пили самогонку до умопомрачения вместе с «высокими» гостями, а потом выгоняли живность под выстрелы туристов-охотников. Пепс теперь здесь. Студент.

– Не жалеет?

– Куда там! Его отсюда палкой не выгонишь! Ему Вазелин обещал квартиру трехкомнатную сделать. Нашли одного пьянчужку, которого можно вывезти в глухомань и забыть...

– А Бычий Член? – Сергей не хотел терять темпа откровений от Демона.

– Он же Харви Райнот. Эстонец. Родоки из состоятельных корпоративных служащих. Какая-то мега-корпорация. Приехал с папой, учился пай-мальчиком. Потом наши посадили его на иглу. А когда вызнали о его сокровище в штанах, вылечили (хоть он и упирался), определили в порноактёры.

– Папа не против?

– Папа всё время в корпорации, круглые сутки. Хочет заработать много «денежков». Вопрос: для кого, если близкие люди ему побоку?

– Для кого? – усмехаясь спросил Филиппов.

– А я не знаю! – преувеличенно громко отозвался Демон, словно был очень возмущён невниманием отца к погрязшему в пороках отпрыску.

– Вернёмся к сыну. У него член большой? – усмехнулся Сергей.

– Огромный. А Бычий – это из-за легенды. Сказание про американских индейцев. Жили-были индейцы на тихоокеанском побережье южнее Аляски, но севернее Калифорнии – побережье принадлежало России и громко называлось Русская Америка.

– Ты прямо, как в книге излагаешь, – заржал Филиппов с заднего сидения.

– Чтобы не возникало сомнений в правдивости повествования. Дело началось в 1834 году. Старейшина племени Мудрый Орёл как-то оттаскал за ухо шкодливого пацана, а тот пробрался к нему в вигвам и, пока старейшина спал, вымазал ему лицом птичьим дерьмом. Мудрый Орёл затаил злобу на паренька и, когда пришло время посвящения в охотника, дал ему имя Бычий Член. Опустил, короче.

Демон посмотрел на слушателей и рассмеялся.

Филиппов строго повелел:

– Излагай дальше.

– Бычий Член стал супер охотником, и собой был красив, а несчастен – девушки не хотели иметь мужем Бычьего Члена. Тогда он пошёл к Мудрому Орлу и попросил изменить ему имя. Мудрый Орёл, мучимый гордыней, отказал. Несчастный Бычий Член отправился, куда глаза глядят – в русский посёлок. Там он представился своим именем. Русские – народ понятливый, особенно женщины. Некто графиня Замойская, б-дь, какой свет не видывал (А свет видел всякое!) опробовала достоинство Бычьего Члена. Через неделю Бычий Член ублажил всех графинь в посёлке, мещанок и даже двух нерадивых монахинь. К нему стали приезжать специально, даже заворачивали круизные каравеллы. Стал он богачом – дом свой из брёвен в два этажа, жратва, огненной воды – прорва. Когда Мудрый Орёл униженно притащился к нему выпросить на нужды деревни пару пачек кирпичного чая и ящик патронов для ружей, Бычий Член (теперь своё имя он носил с гордостью) послал его подальше единственным словом, которое выучил по-русски: «Мудак». Вождь так и умер под новым именем: «Орёл-Мудак».

– А Бычий Член? – Филиппов был заинтригован старинной историей.

– Зарезали. Местный купчина – Злой Иван. Бычий Член пару раз давал в рот дочери Злого Ивана, Иван и зарезал. Тьфу... Такая же история! Зарезали! – обалдел Демон. – Вот, Сатана!

– Вот, вот, – подтвердил Сергей.

Демон сильнее надавил педаль газа – «десятка» птицей понеслась к студенческой общаге.

Пепс и Член были живы.

Они покорно ожидали, сидя на продавленной кровати, спрятав руки между коленями.

«Как гомики», – подумал Сергей, проходя в комнату.

– Это наш Пепс, а это Бычий Член, – представил их Демон.

– Сам ты член! – возмутился Бычий Член, горя негодованием.

Демон зло расхохотался.

– Прости, я пошутил. Это Харви. Наш милый, хороший Харви.

И сразу же, Демон убрал с лица весёлость.

– Короче, парни, надо рассказать этим строгим дядям, как вы опустили Таню Крючкову. Запись мы видели, но хотелось бы знать, что осталось за кадром. – Демон оглядел сыщиков и пояснил студентам, удивляясь. – Такие у них желания. – Даже плечами пожал, как бы сожалея.

Студенты заулыбались, расслабились.

– А что за кадром? Всё в кадре, – заявил Бычий Член, он же Харви. – Халява приказал её поиметь для фильма. Она стала отбиваться, орать, вся вспотела, на сопли изошла. Болт ей вlepил несколько горячих, она и взяла в рот у Гуся. С нами Гусь тогда был. Он её с самого начала плюхал, ещё до нас.

– Знаем.

– Я её в попу потом... Её Гусь и Болт перед этим ... А мы сделали вертолёт – в три смычка. Оператор снимал.

– Кто был оператором?

– Не знаем. У Халявы всегда были какие-то левые операторы, необщительные типы, видимо, иногородние, делавшие разовую работу.

– Она угрожала потом, после съёмки? – спросил Сергей.

– Нет, просто плакала.

– А первое время кто её ... перед камерой?

– Разные парни. Знакомые знакомых, всякие молодые охламоны, падкие до сладкого. Халява её не выпускал из квартиры, где снимали «кино». Привезут жеребцов, и давай работать. У неё режим быть: спать, жрать, трахаться. Как машина.

– Её били?

– Первое время. Но аккуратно, чтобы синяков видно не было.

– Кто бил?

– Я бил, он бил. Гусь бил.

– Халява бил?

– Халява не бил. Он только орал матом, да водку хлестал.

Сергей перевёл взгляд на молчавшего Пепса. Тот качнул головой, подтверждая всё сказанное своим собратом.

– Больше вы с ней не сталкивались?

– Как же! Сталкивались. Ещё как! Когда надо сниматься – идём, работаем.

– Она не выглядела обиженной, не упрекала вас?

– Вообще, не разговаривает с нами. Игнорирует до сих пор. В рот ей дашь – гложет, а в глаза не смотрит, и молчит. Стерва! Бывает, даже хрен опадает из-за этого – робеешь. Мало ли что у неё на уме!

– Может убить? – прямо спросил Сергей.

– Может.

Сергей посмотрел на Демона. Тот пожал плечами – что тут возразишь?!

Из общежития они поехали к месту гибели Гуся...

– Теперь нам ясно, что Крючкова до сих пор держит камень в душе на своих обидчиков. Их становится всё меньше. Хотя, самым главным, был Игрок, это ведь он попросил Вазелина опустить свою бывшую супругу. Он был её главным врагом. И она убрала своего главного врага!

– Всё это предположения, – отозвался Демон, внимательно управляя машиной.

– Пока у нас только предположения, ты прав. – согласился Сергей. Возражать Демону и что-то доказывать он, пока, не собирался.

Перед автостоянкой, у салона «Степь-Автолэнд», всё уже было вымыто, полиции не наблюдалось и, вообще, никаких следов недавней гибели человека не присутствовало. Мирная автостоянка – машины, скучающие, облезлые псы, амбалы в нечистом трико – охранники или местная братва (непонятно). Увидев Демона, один из амбалов, пошёл навстречу. Несмотря на прохладную погоду, он был в красной майке, не скрывавшей его мускулатурного великолепия, в грязном трико и шлёпанцах на босу ногу. На могучей шее висела массивная серебряная цепь тысяч за шесть рублей. Так, навскидку...

– Это Кеша, – пояснил сыщикам Демон. – С ним я говорил по телефону.

- Он кто? – спросил Сергей, меряя взглядом плотного малого.
- Он на подхвате. Мирный юноша, но по мелочи помогает братве Паши Степного. Вроде, бандит, и, в тоже время, сам по себе. Рыкнет – мало не покажется...
- Привет! – Кеша пожал руку Демона, стрельнул изучающим взглядом на сыщиков, но руку для пожатия не протянул. Сергей и Сашка, молча, кивками, поздоровались.
- Ну, что? – спросил Демон.
- В смысле? – ухмыльнулся Кеша.
- Что нового про Гуся?
- Про Гуся?! – удивился Кеша, но сразу расслабился. – Отлетался ваш Гусь! Что нового? Ничего нового. Поляки понаехали...
- Какие поляки? – удивился Демон.
- Полицейские. Теперь их поляками зовут! Так вот, поляки всех опросили, как никто ничего не видел, тряпкой мокрой асфальт замыли, труп увезли...
- Кеша, я серьёзно. Из-за чего его грохнули? Кто?
- Демон, ты задаёшь много вопросов. Я могу подумать, что его завалил кто-то из ваших, а вы сейчас нам мозги пудрите: кто, за что?
- Нам зачем его убивать? Он в вашей братве, ваша братва с нами в мире живёт. Всегда. Ни одного конфликта за все годы!
- Разберёмся во всём... Тебе от Гуся, что было надо?
- В этот раз усмехнулся Демон.
- А ты, что, остался представлять его интересы на планете Земля?
- Ха-ха-ха, – рассмеялся Кеша, обнял волосатого Демона за шею, прижал к себе, сжав кулак, угрожающе-шутливо, погрозил, словно собираясь ударить в лоб. – Ух, и хитрые вы, интеллигенты. Нам, простому народу, против вас никак не устоять! Так или не так?!
- Демон благоразумно промолчал.
- Отпустив Демона, Кеша стал серьёзным, засунул ручки в карманы трико, заявил:
- Правду говорю – никто ничего не видел, и никто ничего не знает: кто, за что и почему? Убили, и всё. Мешал кому-то. Не понравился. Ха-ха-ха.
- Весёлый ты. – мрачно признал Демон, не пытаясь противоречь Кеше.
- А мне что... Так же завалят, и знать не буду...
- Ладно, поедем мы, бывай. Не простудись – ходишь голяком.
- Да, я в будке сижу, там тепло. Чай горячий. Вечером бл-ей привезут.
- Ты дежуришь?
- Да. Теперь с этой заварухой придётся завтра в ментовскую идти, писать объяснительную, почему я ничего не видел, когда рядом с вверенной мне территорией автостоянки, убили человека. А может я занят был, не до того... Дрочил. Ха-ха-ха.
- Ха-ха-ха! – принуждённо согласился Демон. Попрошался скупое. – Ну, давайте!
- Кеша пошлёпал обратно к будке охраны.
- Весёлый парень, – заметил Сергей.
- Не в себе, – заявил Филиппов. – С прибабахом в голове.
- Демон повернул ключ зажигания, мягко развернул «десятку».
- Куда теперь?
- Теперь... Скажи, Дима, в каком районе убили Болта?
- В Заводском.
- В Заводском, – Сергей оглянулся назад, где сидел расслабленный безмятежный Филиппов. – Кто у нас числится в друзьях в Заводском райотделе?
- Все.
- Правильно! ... Гони, Дмитрий, в Заводское, переговорим с парнями, которые дело Болта крутят.

- Опять полиция!
- Привыкай. Без полиции никуда. Ни нам – частным сыщикам, ни вам – братве.
- Мы не братва, мы – бандиты.
- В чём отличие?
- Братва беспредел девяностых развела, а мы спокойный бизнес делаем.
- Вы организованы, и бизнес ваш малозаконен. Такие сообщества принято именовать коротко: братва.
- Понял.
- Дмитрий...
- Демон!
- Демон, ты не знаешь, как убили Болта?
- Зарезали.
- Как Игрока?
- Как – не знаю, знаю, что ножом убили.
- Никого это не насторожило? Режут Болта, на другой день – Сашу Игрока. А? Может, кто-то, хотя бы шепотом, высказывал свои мысли на эту тему? Разговоры же были!
- Болта мог зарезать кто угодно. Он, после смерти Халявы, тусовался сам по себе, дурил, пил с бомжами, бомжих трахал, банки с огурцами солёными из кладовок воровал, по мелочи тряс молодых лохов в парке – быковал. Опустился ниже плинтуса! Это его закономерный финал! Естественный.
- Ясно. Но слишком уж складно получается: унижают Крючкову, проходит определённое время, и начинается – все виновные в её теперешнем рабстве, мрут, как мухи – Халява, Болт, Игрок, Гусь.
- Пепс и Член живы.
- Они могут идти не в счёт.
- Или, ещё не вечер, – заметил Сашка.
- Согласен! Может статься, их очередь на подходе.
- Халяву не убили, – уточнил Демон.
- Ты уверен? – Сергей ухмыльнулся. – Сейчас множество химических соединений, которые вызывают смерть с признаками сердечной недостаточности, и полностью рассасываются в крови, не оставляя следа в организме жертвы. Халяву могли отравить. Этот вариант не следует отбрасывать!
- Почему других не отравили?
- Пока не знаю. Но, очень много совпадений – это настораживает.

Дело Болта было ещё «свежим», и крутилось в оперативном отделе Заводского РОВД. Бравые опера Каськовский и Маев, завидев Сергея и Филиппова, оскалили хитрые рожи в улыбках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.